ЛЕГЕНДЫ СИГМЫ

Книга 4

ИЛЬМА

Денис Броваренко

Легенды Сигмы. Книга 4: Ильма

«Автор»
2026

Броваренко Д.

Легенды Сигмы. Книга 4: Ильма / Д. Броваренко — «Автор», 2026

В деревне у подножия гор, чьё название - Аргуз, воздух был настолько свежим, что его можно было резать ножом и подавать на завтрак с маслом. Лес, плотный, кишел дичью всех мастей - от пушистых зайцев до бородатых кабанов, которые, казалось, сами просились в котёл.Мужчины, а также некоторые особо крепкие женщины, исправно ходили на промысел и возвращались с добычей. Остальные женщины занимались хозяйством: доили коз, месили тесто, вязали, стирали и проклинали погоду.И лишь одна особа в этой идиллии чувствовала себя лишней, как пятое колесо у телеги, которая катится в пропасть. Её звали Ильма.История рассказывает нам о неудачнице Ильме, что пытается найти себя в этом и без неё не простом мире. Удастся ли ей сделать мир лучше? Или как всегда только всё испортит?

© Броваренко Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. 5
Глава 2. 7
Глава 3. 9
Глава 4. 12
Глава 5. 15
Глава 6. 18
Глава 7. 21
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Денис Броваренко
Легенды Сигмы. Книга 4: Ильма

Глава 1.

В деревне у подножия гор, чьё название - Аргуз, воздух был настолько свежим, что его можно было резать ножом и подавать на завтрак с маслом. Лес, плотный, кишел дичью всех мастей - от пушистых зайцев до бородатых кабанов, которые, казалось, сами просились в котёл.

Мужчины, а также некоторые особо крепкие женщины, исправно ходили на промысел и возвращались с добычей. Остальные женщины занимались хозяйством: доили коз, месили тесто, вязали, стирали и проклинали погоду.

И лишь одна особа в этой идиллии чувствовала себя лишней, как пятое колесо у телеги, которая катится в пропасть. Её звали Ильма.

Было у неё такое чувство, что в тот день, когда Судьба раздавала людям полезные навыки, она где-то замешкалась - то ли засмотрелась на облако, то ли споткнулась о собственную косу. Слова «везение» в её жизни было зачёркнуто жирной, красной чертой и заменено на «тотальная неудачница».

Впервые это стало очевидно в двенадцать лет, когда Ильма, наврала с три короба про виртуозное владение луком и увязалась на охоту. Охота запомнилась надолго. Домой вернулись два мужика, но в качестве дичи. Один кое-как припрыгал на одной правой ноге, так как стрела застряла в левой ноге. Второй пришёл сам, так как стрела, предназначавшаяся кабану, ловко перепутала кабана с плечом охотника. Лук у Ильмы отобрали в тот же день и повесили высоко-высоко на стену и запретили даже смотреть в его сторону.

Тогда она решила переключиться на грибы. Это было тихо, мирно и, казалось бы, безопасно. Ильма ушла в лес утром, а вышла из него… через четыре дня. Вся деревня прочесала чащу вдоль и поперёк. Староста уже махнул рукой и заказал поминальный пирог, когда Ильма явилась сама - с пустой корзиной, свежей царапиной на носу и видом человека, который просто сходил в соседний огород за петрушкой. Никто так и не узнал, где она пряталась. Сама она лишь таинственно улыбалась и жевала какой-то неведомый корешок.

С каждым днём доверие к ней падало до уровня воды в пересохшем колодце. Когда её отправляли за водой, происходило нечто мистическое: из двух выданных вёдер одно обязательно становилось мишенью для метания камней (навык, которым она, к слову, тоже не овладела), а второе бесследно исчезало. Ведра в деревне кончились быстрее, чем терпение у соседей.

Последней каплей для деревни стала одна история: добрая старушка, сжалилась над неудачницей и разрешила ей помочь по хозяйству. За три часа Ильма умудрилась затоптать всю рассаду так, будто по грядкам прошлось стадо разъярённых бизонов, а довершила она свой подвиг тем, что чуть не спалила саму избу - случайно опрокинув плошку с маслом прямо на очаг.

Хорошо, что старушка оказалась шустрой и затушила пожар собственным передником.

С тех пор в деревне действовало негласное правило: «Если Ильма берётся за дело - беги, спасай, что можешь».

За что бы она ни хваталась - будь то шитьё, готовка, рубка дров или попытка просто посидеть на лавке, - всё шло не по плану. Мир, казалось, активно сопротивлялся её попыткам быть полезной.

В один дождливый вечер, когда у ворот деревни остановилась карета с гербом, которого никто не знал, и из неё вышел тифлинг с лицом, не сулящим ничего хорошего…

Ильма увидела его и обрадовалась.

Наконец-то появился кто-то, кто не знает её. Возможно он ей даст новое дело, которое она может провалить с блеском.

Глава 2.

Если бы кто-то взялся составлять список бедствий деревни у подножия Аргуза, Ильма заняла бы в нём сразу три первых места. И дело было не только в её руках-крюках, но и в языке. Точнее, в том, как этот язык управлялся с буквами.

Речь её была картавой до такой степени, что даже эхо в лесу отказывалось её повторять. «Р» у неё превращалось в нечто среднее между рычанием голодного барсука и скрипом несмазанной телеги. «Ш» и «Щ» она упорно путала, отчего слово «щи» становилось угрожающим «ши», а «шапка» звучала как совсем неприличное слово. Местные поговаривали, что если Ильма пыталась сказать «Здравствуйте», на выходе получалось заклинание на древнем языке, которое могло либо наслать дождь, либо заставить кур нестись яйцами вкрутую.

Но вот что удивительно: стоило ей открыть рот и начать длинную речь - и всё вокруг замирало. Слушатели забывали, куда шли, что держали в руках и как их вообще зовут. Её картавое бормотание действовало как колыбельная для ума: оно убаюкивало, завораживало и одновременно сбивало с толку. Бабки на завалинке крестились, мужики чесали затылки, а детишки в ужасе разбегались, потому что думали, что это Леший решил с ними пошутить.

Именно из-за этого дара - или проклятия - о Ильме поползли слухи один страшнее другого. «Она ведьма», - шептались женщины, когда Ильма случайно роняла ведро в колодец, а оно не тонуло. «Она сглазила мою козу, - жаловался сосед, - та теперь даёт молоко только по вторникам!» Ильма пыталась оправдываться, но её «Я не ведьма, я пвосто неучдачница!» звучало настолько зловеще, что все просто разбегались или начинали креститься.

Так и жила она в статусе главного подозреваемого во всех бедах - от внезапного града, до пропажи чужого носка.

В тот самый дождливый вечер, когда у ворот остановилась карета, мало кто придал этому значение. Ну, карета и карета. Может, купец заблудился. Может, сборщик налогов, от которого должники спрятались по огородам. Но когда из кареты вышел огромный тифлинг с золотыми, словно коваными, рогами, которые тускло светились даже в сером сумраке, деревня замерла. Даже собаки, обычно остервенело лаявшие на любой скрип, притихли и забились под крыльцо.

Тифлинг, не обращая внимания на мокрых собак и вытаращенных детей, уверенно направился прямиком в кабак.

Местный кабак был святая святых. Именно там глава деревни Хью проводил свой «рабочий день», который начинался в десять утра и заканчивался, когда он падал лицом в миску с солёными огурцами. Для чего, спрашивается, в деревне строили ратушу? Для красоты? Чтобы там пыль собиралась? Хью был твёрдо убеждён, что все государственные вопросы решаются исключительно под звук разливаемого пойла и под хруст квашеных овощей. Поэтому кабак охранялся двумя дюжими охранниками, которые загораживали вход собой, как две живые двери, и никого внутрь не пускали.

- Глава занят, - буркнул один, скрестив руки на груди, когда тифлинг приблизился.

Тифлинг даже не замедлил шаг. Он просто посмотрел на охранников. Один раз. Сверху вниз. Охранники вдруг вспомнили, что дома у них невыглаженные рубашки, недоеденный ужин, и синхронно расступились, будто их ветром сдуло. Тифлинг толкнул дверь и шагнул внутрь.

Хью, который в этот момент как раз закусывал свою третью чарку местной самогонки малосольным огурцом, при виде гостя поперхнулся так сильно, что огурец чуть не вылетел у него через нос. Он сипел, краснел, стучал себя кулаком в грудь, пока тифлинг не подошёл и не хлопнул его по спине с такой силой, что из Хью вылетело всё лишнее - и огурец, и ругательства, и даже часть его плана на завтрашний день (в плане значилось опять сидеть на этом же месте)

Откашлявшись, Хью с ненавистью уставился на несчастный огурец, валяющийся на полу.

- Всё! - рявкнул он осипшим голосом. - Запрещаю поссадку огувцов в этой деевне!

Сссволочи!

Но, взглянув на золотые рога, остыл и добавил уже тише:

- Ссс... спасибо...

Он кое-как привстал, вытер рукавом губы и уставился на гостя мутноватыми, но всё ещё любопытными глазами.

- Выыы ктооо? - протянул он, пытаясь придать голосу важность. - Чтооо ваам нуужжно?

Тифлинг молчал пару мгновений. Его глаза, жёлтые, с вертикальным зрачком, смотрели на Хью так, будто видели его насквозь - все его мелкие грешки, все выпитые кружки и все не выплаченные налоги. Хью вдруг захотелось стать маленьким-маленьким и спрятаться в пустом бочонке из-под кваса.

- Я слышал, - произнёс тифлинг своим, рокочущим голосом, от которого у Хью зачесались коленки, - что в деревне есть ведьма.

Хью моргнул. Потом моргнул снова. И тут в его голове - медленно, как телега едет по бездорожью - появилась догадка.

И он противно, во весь свой беззубый рот, улыбнулся.

- Ааа... - протянул он. - Есссть у нас одна... Ильма.

Он хотел добавить что-то про то, что от неё одни несчастья, и пусть тифлинг забирает её хоть сейчас, но его опередили.

В этот самый момент на пороге кабака, мокрая, с пустым ведром на голове (история умалчивает, почему оно там оказалось), стояла Ильма. Она пришла пожаловаться на то, что у неё украли второе ведро.

Она сняла ведро и увидев тифлинга, она широко улыбнулась, не отфильтровав ни единой мысли, и выдала:

- Ой, какой квасивый! А вога у вас золотые... вы ик табак за нюх вставили? Вы надёвочку не тевяли? Я знаю где у нас в лесу кпад, хотите пкажу?

Тифлинг, впервые за вечер, потерял дар речи и уставился на неё с искренним, почти детским изумлением.

А Хью, прихлебывая оставшуюся самогонку, тихо хихикал в кулак.

«Ну всё, - подумал он, - пусть этот рогатый теперь с ней разбирается. Мне даже огурцов не жалко дать им в дорогу! Лишь бы забрал!»

Глава 3.

Тифлинг, чьё имя, как выяснилось, было Демонарт (и звучало оно так, будто его владелец специально выбирал его, чтобы пугать мелких торговцев и непослушных детей), стоял не шевелясь. Он продолжал слушать Ильму, пытаясь разобрать в её потоке букв, хотя бы три связных слова. С непривычки это было сложнее, чем расшифровать древний манускрипт, написанный курицей, обмакнутой в чернила.

Сначала ему показалось, что она говорит про носы. Потом - про клад в лесу. А под конец он вообще услышал что-то про «жёлтого барана в красных сапогах» и решил, что либо ослышался, либо его уши взбунтовались против него самого.

Собрав всю свою волю в кулак, Демонарт вздохнул, щёлкнул пальцами - раздался такой сухой, звонкий, раскатистый звук, будто небо обрушилось на землю, а следом за ним - весь ближайший лес. Хью, который как раз подносил кружку к губам, пригнулся так резко, что его лоб едва не оставил вмятину на стойке. Он зажмурился, ожидая, что сейчас на него рухнут балки, а сверху ещё и сам кабак в придачу.

Но ничего не рухнуло. Только на столе зазвенели пустые бутылки, а из-под стойки испуганно выглянула дворовая кошка, которую никто, никогда не видел.

Демонарт медленно перевёл взгляд с Хью на Ильму, потом с Ильмы на дверь, потом обратно - и, судя по выражению его лица, принял какое-то важное, судьбоносное и, скорее всего, крайне опасное решение.

- Эта девочка, - произнёс он с расстановкой, словно пробуя каждое слово на вкус, - определённо мне нужна.

Хью выдохнул так громко, что задул свечу на столе. Внутри него что-то радостно подпрыгнуло и сделало сальто - это был его внутренний карман, уже предвкушающий звон монет. Будучи истинным политиком (а политик в его понимании означало «человек, который умеет выжимать выгоду только для себя»), Хью скорчил страдальческую мину, закатил глаза и запричитал на весь кабак:

- Ой-ёй-ёй! Как же так! Это же наша корова! Самая луучшая! Она нам самим нужна! Без неё мы пропадём! Кто будет вёдра терять?! Кто будет рассаду топтать?! А если она ведьма - так это же наше местное достопримечательность! Туристы приезжают, на неё глазеют! Как я без неё? Как деревня без неё?!!

Он заламывал руки, изображая искреннюю скорбь, и при этом очень выразительно поглядывал на свой пустой кошелёк, висящий на поясе. Мол, мы люди бедные, мы люди скромные, но мы согласны потерпеть... за соответствующую компенсацию.

И тут впервые за всю эту странную сцену в разговор попыталась вступиться сама Ильма.

До этого она стояла в углу, на голове у неё опять было надето то самое злополучное ведро, и она с искренним недоумением наблюдала в две дырочки в нём, за тем, как два мужика обсуждают её, будто она мешок картошки на ярмарке. Когда же до неё дошло, что её всерьёз пытаются продать, она возмущённо дёрнулась, попыталась снять с головы ведро и выдала свою коронную фразу:

- А вы меня спппвоить не хпотели?! Я вообще-то тут!

Но Хью был проворнее. В его голове, как молния, сверкнула идея. Он подскочил к стойке, схватил заветный малосольный огурец (тот самый, от которого Хью сам чуть не пострадал) и, недолго думая, сунул его прямо в рот Ильме. Да так ловко, что её челюсти со щелчком сомкнулись на огурце, и она застыла с вытаращенными глазами, пытаясь одновременно и прожевать, и возмутиться, и не подавиться - ни одно из этих действий не удалось.

- Сссволочь! - промычала она сквозь огурец, но это прозвучало как «Ммпффм!».

Хью, не теряя ни секунды, схватил грязную тряпку, местами влажную и ловко обмотал ей голову Ильмы так, что рот оказался надёжно зафиксирован. Торчал только кончик огурца, который жалобно выглядывал из-под тряпки, словно прося о пощаде.

Ильма яростно замотала головой, но тряпка держалась крепче её репутации. Хью отряхнул руки, улыбнулся во всю ширь и повернулся к Демонарту. - А теперь! - сказал он, потирая ладони. - Мы можем поговорить о цене? Я не жадный!

Мне будет достаточно... - он задумался, прикинув что-то в уме, и выдал с видом величайшего благодетеля: - одного ящика серебряных монет! Совсем чуть-чуть! Для бедной деревни!

Он так просиял от собственной щедрости, что чуть не засветился.

Демонарт внимательно на него посмотрел. Потом перевёл взгляд на Ильму, которая сейчас напоминала пленницу. Потом - снова на Хью.

Он спокойно, без лишней спешки, взял Ильму за руку (она дёрнулась, но огурец и тряпка не дали ей выразить протест), развернулся к главе деревни и сказал ровным, холодным, как горный ручей, голосом:

- Я могу не сносить тебе голову. Устроит тебя такая плата?

Он не повысил тона. Он даже не шевельнул бровью. Но почему-то в воздухе запахло серой, а у Хью внезапно пересохло во рту, а в штанах стало тесно от страха.

Хью сглотнул. Его взгляд метнулся на потолок (цел), на стены (целы), потрогал собственную шею (пока на месте), и он сглотнул снова.

- Э... - выдавил он. - А... а голова у меня уже и так есть... то есть... тьфу ты...

Согласен, конечно! Замечательная плата! Самая лучшая! Клиент всегда прав!

Он отступил на шаг, потом на второй, и, споткнувшись о табуретку, шлёпнулся на свою лавку, растерянно моргая.

Демонарт легонько потянул Ильму за собой, и она с огурцом во рту, послушно побрела за ним к выходу. У двери он обернулся, посмотрел на Хью, который сидел с открытым ртом, и бросил на прощание:

- Отличная сделка! Спасибо!

Демонарт и Ильма вышли из кабака.

В кабаке повисла звенящая тишина. Хью сидел на лавке, сжимая в руках пустую кружку, и постепенно осознавал, что только что его единственная «достопримечательность» и «головная боль» в одном лице уедет в неизвестном направлении с рогатым существом, которое умеет щёлкать пальцами так, что может вызывать обвал.

Он перевёл дух. Потом посмотрел на место, где стояла Ильма.

И тихо, счастливо улыбнулся.

- Господи, - выдохнул он, падая на стойку. - Как же хорошо-то... Минус одна беда.

На улице уже смеркалось. Демонарт подвёл Ильму к той самой карете с незнакомым гербом, открыл дверцу и жестом предложил ей залезть. Ильма кое-как высунула огурец и выпалила:

- Вы неновмальный?! Я вас певвый ваз вижу! Кто вы вабще такой?! И куда мы едем?!,- но села в карету!

Демонарт забрался внутрь следом и, глядя на неё своими пронзительными жёлтыми глазами, ответил спокойно, как будто объяснял ребёнку, что вода мокрая:

- Я слышал, что ты ведьма. Если это так, ты можешь поехать со мной. Или ты можешь остаться тут. Решай сама.

Ильма моргнула. Её мозг, привыкший к тому, что её только ругают и отсылают, принял решение поехать в путь.

Карета тронулась с места, и деревня Хан, которая стояла у подножия горы Аргуз, начала медленно исчезать в пыльной дымке.

Так, в первый раз в своей жизни, в возрасте пятнадцати лет, Ильма покинула деревню Хан.

Не как ведьма. Не как изгнанница.

А как... Кто-то нужный. Связанный (словесно), загнанный в карету и везущийся в неизвестность. Как человек, который по итогу принял сам решение ехать или нет.

И самое смешное - она была рада.

Она наконец-то могла оставить позади всё, что не получалось. Все вёдра, все грибы, всех перестрелянных охотников и вытоптанные рассады.

Впереди её ждали новые приключения. Новые люди. Новый шанс найти своё место в этом мире.

И огурец, который она захватила с собой в качестве сувенира.

Глава 4.

Карета мерно покачивалась на ухабах, колёса поскрипывали, где-то вдалеке ухал филин, а Ильма сидела на жёсткой скамье, вцепившись пальцами в край сиденья, и смотрела в маленькое запылённое окно. Деревня Хан уже давно скрылась за поворотом, растворилась в сумерках, словно её и не было.

И тут на неё навалилось то, чего она меньше всего ожидала.

Тоска.

Не та, что щиплет глаза и заставляет вздыхать. А тягучая, липкая, как болотная тина, которая засасывает воспоминания одно за другим.

Она вдруг вспомнила, как впервые попала в эту деревню. Тогда ей было... она сбилась со счёта, но точно меньше, чем сейчас. Она была маленькой, голодной, оборванной и страшно напуганной. Её ноги стёрлись в кровь, а в глазах стояла такая пустота, что на неё боялись смотреть даже птицы.

Всё случилось внезапно. Как гром среди ясного неба.

Её родное племя - кочевое, свободное - уничтожили за одну ночь. Налетели чужаки, с дикими криками и факелами, и не оставили никого, кроме детей. Почему не тронули детей? Этого Ильма не знала. Может, у нападавших было какое-то странное правило. Может, они просто не видели в малышах угрозы. А может, им было наплевать - они знали, что дети без взрослых всё равно не выживут.

Она выжила.

Она брела через пустыню, пока ноги не перестали её слушаться. Она падала, вставала, снова падала и снова вставала. Рядом с ней брели ещё несколько детей - кто-то плакал, кто-то молчал, глядя в одну точку. Но к тому моменту, как показались первые домики деревни Хан, Ильма осталась одна.

Её нашли у околицы. Старуха, которая вышла проверить, не сдох ли соседский пёс, который лаял всю ночь, а тут перестал, наткнулась на неё, грязную, худую, с глазами, полными ужаса. Заохала, запричитала, позвала людей. Её отмыли, накормили тёплой кашей, одели в чужую рубаху, замотали в шаль. И спросили самое простое:

- Как тебя звать, дитя?

Ильма открыла рот. Она хотела сказать: «Алёна». Так звала её мама. Так звали её все в племени. «Алёна» — звонкое, тёплое имя, как летний ветер.

Но из её горла вырвалось кособокое:

- Иль-м-ма...

Она сама испугалась того, что сказала. Хотела поправиться, но язык будто онемел. А старуха кивнула с пониманием:

- Ильма, значит. Хорошее имя. Будешь жить у нас.

И всё. С этого момента Алёны больше не существовало.

Именно тогда - она отчётливо это помнила - в её жизни и началась полоса неудач. Будто весь запас везения, отпущенный ей на жизнь, был истрачен в тот самый день. В день, когда она осталась жива. Судьба сказала: «Ну, девочка, ты спаслась. А теперь держись».

И она держалась. Теряла вёдра, стреляла в охотников, топтала рассаду, пугала детей. Потому что по другому не получалось, как бы она не старалась.

Слёзы подступили к горлу. Ильма шмыгнула носом и стукнула кулаком по стенке кареты.

- Стойте! - произнесла она так громко, как могла. - Стойте, я не могу боше! Мне нужно... мне нужно выти!

Карета замедлилась. Демонарт, сидевший напротив с закрытыми глазами, приоткрыл один глаз, и дал команду кучеру . Кучер дёрнул поводья, и лошади остановились.

Снаружи уже было темно - почти ночь. Лес подступал к дороге, а сбоку, метрах в пятидесяти, тускло поблёскивала гладь небольшого озера. Месяц только-только начинал всходить, и его свет робко пробивался сквозь ветви.

Ильма выскочила из кареты, чуть не споткнувшись о подножку, и, шмыгая носом, обратилась к Демонарту - как могла вежливо, на своём ломаном языке:

- Я... я на минуту.

Демонарт внимательно посмотрел на неё, на её покрасневшие глаза, на дрожащие руки, и молча кивнул. Он не стал задавать вопросов. Может, потому что понимал, что у человека горе. Может, потому что боялся, что она снова начнёт говорить про жёлтого барана в сапогах.

Ильма отошла в сторону. Метров на десять. Потом на пятнадцать. Сырая трава холодила ноги, но она этого почти не замечала. Её душа была где-то далеко, в степи, среди костров и смеха, среди голосов, которые она никогда больше не услышит. Она остановилась, прикрыла глаза и сделала глубокий вдох, пытаясь успокоить дрожь в груди.

Она сделала шаг вперёд, у неё слетела босоножка - и наступила прямо на что-то круглое, острое и ужасно колючее.

- Ы-Ы-Ы-Ы-Ы-Ы-Ы-Ы!!!

Её вопль разорвал ночную тишину, как нож разрезает масло. Ёж, который мирно спал в высокой траве, тоже испугался не меньше - он свернулся в клубок, а Ильма подпрыгнула на одной ноге, второй ногой подкинула ежа себе в руки, поймала и заорала так, что в озере испуганно плеснула рыба.

- АААААААААА!!!!

Демонарт, который как раз отпивал из фляги, услышал этот вопль и мгновенно побежал к Ильме. Просто бросился вперёд, туда, где во тьме металось что-то маленькое и очень шумное.

- Ильма! - крикнул он. - Что случилось?!

Он бежал к ней, его золотые рога блестели в лунном свете, а плащ развевался за спиной, как чёрное знамя.

Ильма побежала в другую сторону от того места, где наступила на ежа и тут увидела тень, а когда наконец смогла рассмотреть бегущее на неё существо, на мгновение замерла. В темноте она увидела огромный силуэт. Рога. Сверкающие глаза.

- ЧУДОВИЩЕ!!! - заорала она так, что у неё сорвался голос. - ЧУДОВИ-И-И-ЩЕ!!!

Она полностью забыла, что Демонарт - это её сопровождающий. Что он - тифлинг. Что они вместе сидели в карете. Страх затмил всё. Она просто развернулась и побежала с ежом в руках.

Прямо к озеру.

Она бежала с такой скоростью, что босые ноги почти не касались земли. Позади неё что-то кричал рогатый монстр (а это был просто Демонарт, который пытался остановить её криками «Стой! Это я!»), но она не слышала. Она видела только воду. И надежду.

Вода - она мокрая. В ней можно спрятаться. Она спасёт!

БУЛТЫХ!

Ильма влетела в озеро с таким размахом, что веер брызг взметнулся выше деревьев. На поверхности остались только пузырьки и пара безнадёжно плавающих травинок.

Демонарт добежал до берега, остановился, упёрся руками в колени и тяжело задышал.

Вода в озере медленно успокаивалась.

Через мгновение из глубины показалась голова Ильмы - мокрая, с водорослью на макушке. Она фыркнула, отплевалась и, увидев Демонарта на берегу, истерически хихикнула:

- Я... я забыла... что вы это вы...

Демонарт молчал. Он смотрел на неё, в воде, замерзшую, с ёжиком в руках и медленно, впервые за много лет, начал смеяться.

Негромко. Хрипло. Почти беззвучно.

Он протянул ей руку.

- Выходи, - сказал он с улыбкой, которая в лунном свете выглядела почти человеческой.

И протянул ей руку.

Ильма, дрожа всем телом, ухватилась за его ладонь и позволила вытащить себя из воды.

Ильма села на траву. Рядом с ней, на берегу, сидел обиженный ёж, который наконец-то был свободен. Он развернулся и потопал в лес, недовольно фыркая.

Демонарт накинул на Ильму свой плащ, укутал, как ребёнка, и повёл обратно к карете.

Ильма слабо улыбнулась. И позволила себе, впервые за долгие годы, просто не думать о том, что будет завтра.

Глава 5.

Дорога до главного замка Сигмы заняла почти пятнадцать дней. Дорога вела через пустыню Тёмный Вавилон. Из-за жары они ехали ночью, а днём давали отдохнуть лошадям и кучеру. Ильму старались не пускать гулять одной, Демонарт за ней постоянно приглядывал, но и в таких ситуациях Ильма умудрялась много чего сотворить..

Ильма спала, укутанная в плащ Демонарта, и проснулась, от того, что карета начала замедляться, а снаружи послышались голоса, лязг оружия и скрип ворот.

Она приоткрыла один глаз, потом второй - и ахнула.

Даже в темноте Замок Сигмы был огромен. Он вздымался вверх, словно каменный великан, серый и суровый, с башнями, уходящими в облака, и гербами на каждом углу.

Ворота были украшены золотыми узорами, а на стенах стояли стражники в доспехах.

Ильма никогда в жизни не видела ничего подобного.

- Мы на месте, - сказал Демонарт, поправляя свой плащ. - Я пошёл, а ты будешь ждать в карете. Кучер присмотрит за тобой.

Он вышел, оставив дверцу приоткрытой, и быстро направился к главному входу. Стражи узнали его и почтительно расступились.

Ильма осталась одна. Вернее, почти одна - на облучке сидел кучер, пожилой мужчина с красным носом и вечно сонным выражением лица (не удивительно, ведь он ездил по ночам, когда все спали)

И тут Ильма почувствовала это. Странное ощущение.

Она не знала, как это объяснить, но вдали от деревни Хан, в присутствии других людей, её тело словно начинало дышать по-новому. Голос становился чётче. Слова складывались в голове сами собой, не путаясь и не картавя. Может быть, дело было в том, что здесь никто не знал её «репутации». Может быть, на неё не давили старые привычки и проклятия. А может, удача наконец решила вернуться, поняв, что она больше не в той злосчастной деревне.

Ильма улыбнулась своим мыслям. Она выпрямилась на сиденье, поправила одежду и подумала:

- Я справлюсь. Я смогу. Я - Алёна. Я - сильная.

И решила, что ей просто необходимо выйти из кареты. Развеять затекшие ноги.

Посмотреть на замок поближе.

Она поднялась, взялась за край дверцы, ступила на подножку...

И в тот же миг её нога предательски скользнула по мокрой ступеньке.

БАМ!

Ильма рухнула лицом вниз, прямо в огромную чёрную лужу грязи, которая, как назло, образовалась у самой кареты после ночного дождя. Грязь была тёплой, жидкой, липкой. Грязь облепила её лицо, волосы, руки, платье — всё, что только могло быть испачкано.

Ильма лежала неподвижно, распластавшись в луже, и медленно осознавала, что только что её «возвращающаяся удача» снова дала сбой.

С другой стороны выглянул кучер.

- Эй, барышня? - позвал он, щурясь в темноту. - Что за шум? Вы там как?

Он смотрел прямо на лужу. Прямо на Ильму, лежащую в этой луже.

Но ничего не видел.

Потому что Ильма, в своей тёмной одежде, полностью слилась с чёрной грязью. Она была невидима. Как хамелеон, который решил, что лучший способ спрятаться - это выглядеть как грязь.

Кучер пожал плечами, зевнул и снова уселся на своё место, бормоча что-то про то, что «старость - не радость, уши уже не те».

Ильма медленно, очень медленно, подняла голову из лужи. Грязь стекала с её носа, оставляя на лице чёрные разводы. Она моргнула, и грязные ресницы слиплись.

- Я... я в порядке, - прошептала она самой себе. - Всё хорошо. Я просто... проверила землю на мягкость. Она мягкая. Отлично.

Она с трудом поднялась на ноги, отряхнулась (стало только хуже) и, поняв, что в таком виде возвращаться в карету не имеет смысла, решила пойти обратно в замок. Вдруг там есть колодец? Или хотя бы тряпка?

Она вошла через боковую дверь, которую кто-то забыл запереть, и оказалась в длинном каменном коридоре. Везде горели факелы, на стенах висели гобелены, а пол был выложен красивым узорчатым камнем. Но Ильма видела это всё сквозь пелену грязи, которая уже начала подсыхать и трескаться на её лице.

Она брела по коридору, оставляя за собой грязные следы, и наткнулась на приоткрытую дверь. За ней что-то блестело. Она заглянула внутрь.

Это оказалась комната. И в центре комнаты стояла девочка-служанка с веником в руках и смотрела на своё отражение в зеркале поправляя чепчик, как-будто кого-то ждала.

Ильма хотела тихо отступить, но её нога - та самая, которая уже пострадала от ежа - снова подвела. Она поскользнулась на собственном следе и влетела в комнату, как пробка из бутылки.

Девочка обернулась. Увидела грязное, чёрное существо, несущееся на неё, и отскочила в сторону с таким визгом, что зеркала задрожали.

- А-А-А-А!! - закричала она, пятясь назад, и споткнулась о стул.

Зеркало, висевшее прямо над ней, сорвалось с гвоздя и с оглушительным звоном разбилось вдребезги - тысяча осколков разлетелись по каменному полу, отражая свет факелов тысячей крошечных солнц.

Девочка застыла с открытым ртом, готовая закричать снова.

Но Ильма была быстрее.

Она бросилась вперёд и закрыла рот служанке своей грязной ладонью. Грязь была тёплой, склизкой и пахла болотом. Девочка выпучила глаза, но не издала ни звука.

Ильма поднесла палец свободной руки к губам и прошептала:

- Тсссс! Тише!

Она убрала руку. И замерла.

На лице девочки теперь красовался отпечаток грязной ладони. Чёткий, как печать, грязный след пяти пальцев.

Ильма посмотрела на свою руку. Потом на лицо девочки. Потом снова на руку.

И она начала смеяться.

Сначала тихо, сдавленно. Потом громче. Потом так, что слёзы потекли из глаз, оставляя на грязных щеках чистые дорожки.

Служанка сначала смотрела на неё с ужасом. Потом до неё дошло, что с её лица торчит не что-то страшное, а просто грязь. Она посмотрела на себя через осколок зеркала. Потом - на смеющуюся девочку. Потом снова на себя.

И что-то щёлкнуло у неё в голове.

Смех Ильмы был заразительным. Он был громким, звонким, совершенно беззаботным, таким, как смеются дети, когда видят что-то абсурдное. И девочка-служанка, которая секунду назад готова была упасть в обморок, вдруг тоже начала хихикать.

А потом - хохотать.

Они стояли посреди разбитых зеркал, обе в грязи (одна - полностью, вторая - только лицо), и ржали так, что стены дрожали.

- Прости... - выдохнула Ильма, вытирая слёзы грязным рукавом. - Прости меня! Я... я не хотела!

- Я... я такая же теперь! - заливалась служанка, показывая на своё лицо. - Моя хозяйка меня убьёт! Но это... это так смешно!

Они ещё пару минут давились от смеха, а потом Ильма вдруг вспомнила, что она вообще-то сбежала из кареты и что Демонарт может вернуться в любой момент. А возможно и уехать без неё.

- Извини. - Сказала Ильма. - Мне пора!

И убежала!

Убежала, обратно к выходу, смеясь на ходу оставляя грязные следы.

Девочка осталась стоять посреди осколков, с отпечатком ладони на лице, и тихо бормотала, утирая слёзы смеха:

- Надо же... а говорили, что в замке скучно...

Именно в тот вечер Кейрус не смог найти Еву в зеркале и попал на встречу Демонарта, Саймона и своего отца - Бурдуса.

Глава 6.

Демонарт вышел из замка Сигмы с таким видом, будто его только что заставили спилить и продать на аукционе свои рога..

Он сжимал кулаки, челюсти его были сжаты, а золотые рога, казалось, светились ярче обычного - верный знак того, что тифлинг на грани.

Он подошёл к карете, уже открывая рот, чтобы рявкнуть на кучера, который спал, но в этот момент дверца распахнулась, и оттуда высунулась...

Ильма.

Вся в грязи.

С ног до головы. С волосами, похожими на сосульки из болотной тины, с одеждой, которая не просто была испачкана, а, казалось, прошла через полный курс грязевых процедур. Она сияла улыбкой (на её чёрном лице белели только зубы и белки глаз) и держала в руках какой-то мокрый лист лопуха, который, видимо, пыталась использовать как салфетку.

Демонарт застыл.

Его челюсть медленно разжалась. Кулаки расслабились. Гнев, который только что клокотал в нём, исчез бесследно, как утренний туман под солнцем. Вместо него на его лице появилось выражение... тёплое. Почти отеческое.

Он посмотрел на Ильму, на лужу рядом с каретой, на её счастливую физиономию, и вдруг - впервые за весь день - улыбнулся.

- А ты, - сказал он, - времени зря не теряла, девочка.

Ильма моргнула, и с её ресниц упала капля грязи.

- Я... я пвосто хотела выйти, - промямлила она, пытаясь оттереть лицо лопухом, но только размазывая грязь ещё шире. - А тут... ну... показалось, что земля моквая.

- Я вижу, — кивнул Демонарт, сдерживая смех. - Ладно. Садись. Мы едем дальше. К Храму Теней.

Он забрался в карету, сел напротив, и они тронулись.

Путешествие до Храма Теней длилось двенадцать дней. И, надо признать, оно прошло почти без приключений.

Почти.

На одном из привалов, когда Демонарт отошёл набрать воды в том месте, где в пустыне она была, Ильма решила, что лошадь, запряжённая в карету, выглядит очень усталой. Гнедая кобыла с грустными глазами, по мнению Ильмы, явно мечтала о свободе.

- Бедная лошадка, - прошептала Ильма, поглаживая её по морде. - Ты, навевно, устала? Хочешь побегать по песку? Покушать кактусы? Я тебя понимаю.

В её голове промелькнула ещё одна мысль, не менее добрая: «А быть может, отпустить лошадь?»

Она не видела в этом никаких проблем. И уже начала отвязывать постромки, когда раздался спокойный голос Демонарта:

- Ильма. Ты что делаешь?

Она вздрогнула и обернулась. Демонарт стоял с флягой в руках и смотрел на неё с выражением вечного терпения.

- Я... ну... лошадка устала.

- Ты хотела её отпустить? А потом?

- Потом она вевнётся. Она умная, я вижу!

Демонарт вздохнул. Подошёл, аккуратно взял её руки и убрал их от постромков.

- Ильма, - сказал он медленно, - лошадь одна в пустыне не выживет. И если ты отпустишь лошадь, она не "побегает", а умрёт. А мы останемся без лошади. И нам придётся идти пешком до Храма. До которого ещё восемь дней пути. Ты этого хочешь?

Ильма задумалась. Картинка того, как она идёт пешком по пустыне восемь дней - её не вдохновила.

- Ну... ладно, - сдалась Ильма.

С каждым днём их путешествия - отношение Ильмы к Демонарту становилось всё лучше. И дело было не в том, что он был тифлингом с золотыми рогами и явно не самой простой судьбой. Дело было в другом.

Он не давил.

Он не ругал её за каждую ошибку. Не закатывал глаза, когда она говорила что-то картавое и непонятное. Не жаловался соседям, что она сломала его любимую кружку (хотя она однажды случайно погнула его флягу, просто дотронувшись до неё). Он просто... принимал.

И это было так непривычно, что Ильма сначала не верила. Она ждала подвоха. Она ждала, что он начнёт кричать или смеяться над ней. Но он лишь качал головой, иногда фыркал от смеха, но никогда - никогда! - не обижал её.

И постепенно, день за днём, она начала раскрываться.

Словно цветок, который долгие годы рос в тени и вдруг оказался на солнце.

Она стала больше шутить. Смеяться. Рассказывать истории из своей жизни, даже не самые весёлые, и Демонарт слушал их с таким вниманием, будто она читала ему древние манускрипты.

Она перестала бояться, что следующее слово запнётся или выйдет картавым - хотя оно всё ещё иногда выходило, и она просто отмахивалась, смеясь:

- Ну вот, опять! Я хотела сказать «лошадь», а вышло «лощадь»! Но вы поняли, да?

Демонарт понимал. Всегда.

Она стала говорить гораздо лучше, чётче, яснее. Будто тот зажим, который держал её язык многие годы, начал ослабевать. Но картавость никуда не делась - она стала её фишкой, её визитной карточкой. Даже собаки, которых они встречали на дороге, перестали лаять, когда она говорила - они просто наклоняли голову и слушали, зачарованные.

Но неуклюжесть осталась при ней. И удача - та самая, которая, как она думала, возвращалась - была переменчива, как погода в горах.

Она могла идти по ровной дороге и врезаться в кактус, который рос в трёх метрах от неё.

Она могла сесть на песок, а песок оказаться зыбучим. Однажды зайдя в лес она попыталась сорвать яблоко с ветки и упала с дерева, приземлившись ровно на ноги (это, кстати, было единственное, что получалось у неё хорошо - падать без серьёзных травм).

Однажды она полезла в карету и запуталась в собственной юбке так, что Демонарту пришлось разворачивать её, как свёрток.

Но он делал это молча. И она перестала краснеть.

Теперь она просто смеялась. И говорила:

- Я - это я. И я - это катаствофа. Но вы, навевно, уже пвивыкли, да?

Демонарт смотрел на неё, на её грязное лицо (потому что она успела испачкаться ещё раз, когда решила «помыться» в ручье, но просто села в воду и перевернулась), и кивал.

- Привык, - отвечал он. - Уже не представляю, как жил без тебя.

Ильма фыркала и бросала в него сухим листом.

И на душе у неё становилось легко.

Впервые за долгие годы она чувствовала, что может быть собой. Не той «Алёной», которую убили вместе с семьёй. И не той «Ильмой-неудачницей», которую все в деревне боялись. А кем-то третьим - живым, настоящим, тем, кто просто идёт по дороге, иногда падает, иногда смеётся и совсем не боится того, что ждёт впереди.

Храм Теней приближался. И Ильма чувствовала, что это - не конец.
Это - начало.

Глава 7.

Храм Теней оказался совсем не таким, каким представляла себе Ильма.

Она ожидала увидеть мрачное, сырое подземелье с паутиной и скелетами в углах. Вместо этого перед ней распахнулись высокие сводчатые залы, залитые тёплым светом, который струился из огромных хрустальных люстр. Везде кипела жизнь. Везде кто-то что-то делал.

Тифлинги в длинных мантиях склонялись над древними свитками, шептали заклинания и чертили светящиеся руны. Дампиры - бледные существа с алыми глазами - сидели в кожаных креслах, потягивали что-то красное из высоких бокалов и обсуждали политику с таким видом, будто завтрашний мир зависел от их мнения. Шифтеры бесшумно скользили между колонн, меняя облик каждые несколько секунд - то становились птицами, то людьми, то просто пропадали в тени.

И дварфы. Их было много. Они сидели в углах, громко спорили о качестве ковки, пили что-то крепкое и стучали кружками по дубовым столам так, что те жалобно стонали.

Все были заняты. Каждый знал своё место.

Кто-то постигал тайные знания. Кто-то проводил тёмные ритуалы, от которых у Ильмы начинали дёргаться брови. Кто-то просто сидел в углу и читал книгу, время от времени задумчиво глядя в потолок.

Демонарт - как оказалось, был лордом этого Храма - был занят с самого утра. Советы. Встречи. Бесконечные разговоры с другими тифлингами, которые жестикулировали, спорили, хлопали друг друга по плечам и всё время что-то подписывали. Он был в своей стихии. Уверенный, собранный, серьёзный. Но почему-то он всё время искал её глазами.

Ильма это замечала. Когда он входил в зал, его взгляд сначала бежал по стенам, потом по скамьям, потом - и всегда находил её, где бы она ни сидела. Иногда он едва заметно кивал. Иногда просто смотрел мгновение и отворачивался.

Ильма чувствовала себя странно.

Она не была лишней. В этом храме её никто не прогонял. Никто не закатывал глаза, когда она проходила мимо. Никто не шептался за спиной. Наоборот - какие-то дампиры улыбнулись ей. Когда она случайно наступала на чей-то хвост и извинилась (хвост, кстати, оказался частью ритуального костюма) Дампир только рассмеялся и сказал: «Ничего, это уже третий раз за неделю!».

Непонимание грызло её изнутри.

Зачем она здесь? Зачем он привёз её? Что она должна делать?

Однажды, когда Демонарт сидел в своём кабинете и разбирал бумаги, Ильма решилась. Она вошла без стука (она всегда входила без стука, потому что забывала стучать) и закрыла за собой дверь. Демонарт поднял глаза от пергамента и с лёгкой улыбкой посмотрел на неё.

- Ильма, - сказал он. - Что-то случилось?

Она подошла к его столу. К огромному, массивному, вековому столу из тёмного дерева, который, казалось, должен был пережить не одно поколение лордов. Она встала напротив него, сложила руки на груди и спросила, глядя прямо в глаза:

- Почему я тут?

Демонарт отложил пергамент. Он смотрел на неё спокойно, без тени раздражения.

- Разве тебе плохо? - спросил он вместо ответа.

- Нет, - сказала Ильма. - Мне ховошо. Даже очень. Но я не понимаю... зачем я тебе?

Она облокотилась на стол, чтобы стоять ближе, чтобы он не мог отвести взгляд.

И в этот момент стол - этот свежий, тяжёлый, у которого были планы пережить несколько веков стол - издал жалобный скрип.

А потом рухнул.

Прямо под её руками.

Он развалился на четыре части, как будто кто-то специально ждал этого момента.

Бумаги, пергаменты, чернильницы, свитки - всё полетело на пол. Над кабинетом повисла звенящая тишина. Ильма застыла с открытым ртом. Она смотрела на обломки, потом на свои руки, потом снова на обломки.

- Я... - начала она. - Я не... я пвосто...

Демонарт, который сидел по ту сторону стола, не шевельнулся. Он опустил глаза на рухнувшую мебель, поднял их на Ильму - и засмеялся. Громко, искренне, от души. Он смеялся так, что его золотые рога дрожали, а из глаз потекли слёзы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.